

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НАРАСТАЕТ

*Каждый волхвов покарать норовит,
А нет бы – послушаться, правда?
Олег бы послушал– еще один щит
Прибил бы к вратам Цареграда.*

Владимир Высоцкий

Два последних весенних месяца 2008 г. не были ознаменованы драматическими между народными событиями глобального масштаба, острыми баталиями на мировой арене или, наоборот, неожиданными примирениями считавшихся ранее непримиримых противников. И, тем не менее, это был очень интересный и важный период. В мае 2008 г. сменилось высшее политическое руководство России. Но к началу лета и компетентные аналитики, и профессиональные гадатели на кофейной гуще, похищенной из кремлевских буфетов, так и не смогли прийти к определенному мнению о последствиях смены власти в Кремле. Остаются открытыми вопросы: удастся ли избежать разрушительного конфликта в бюрократической системе, порожденного двоевластием, и как смена руководства скажется на российской внешней политике, в том числе будет ли остановлено нарастание конфронтационной тенденции в действиях России на международной арене. Видимо, это отражает специфику нынешнего положения дел в российской политике, развитие которой в ближайшие несколько месяцев может пойти по самым разным траекториям, вплоть до наиболее рискованных.

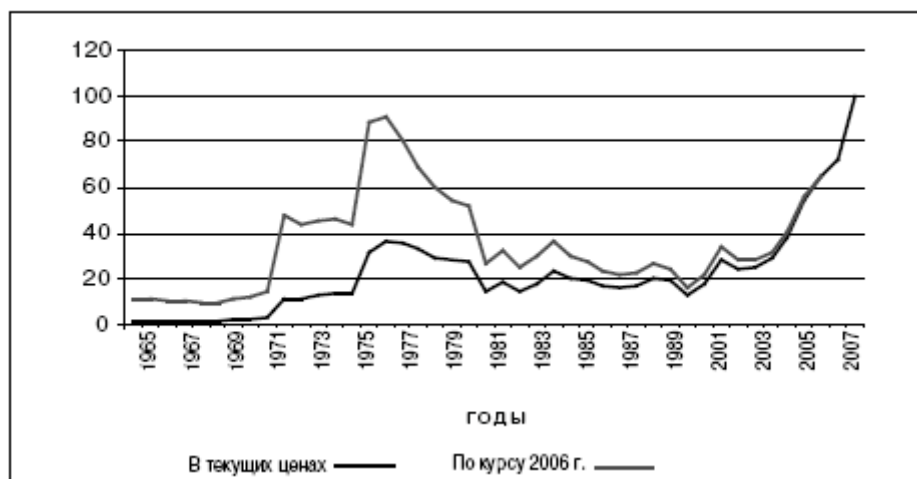
В решающую фазу вступила президентская кампания в США, но предсказывать ее результат никто не берется. Ясно, однако, что кто бы из трех или, скорее, двух основных претендентов на президентский пост – Джон Маккейн или Барак Обама – ни выиграл выборы, внешняя политика этой сильнейшей державы современного мира претерпит любопытные изменения. И неслучайно аналитики во всех странах, затаив дыхание, следили за перипетиями американских *праймериз*, в ходе которых должен определиться кандидат в президенты США от демократической партии.

Продолжался рост цен на нефть, которые весной 2008 г., действительно, достигли абсолютного рекорда за последние 150 лет, причем не только в текущих, но уже и в постоянных ценах. Это, естественно, подхлестнуло поток прогнозов и размышлений, главным образом, алармистского толка относительно того, как рост цен на нефть, а также на газ скажется на международных отношениях. В целом же, в начале лета 2008 г. можно было с немалой долей уверенности предположить, что к концу года, а может быть, и ранее картина глобальной политики обретет новые, небезынтересные оттенки и нюансы. Во всяком случае, уровень неопределенности в международной системе заметно повысился.

МИФЫ НЕФТЯНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Среднегодовые цены на нефть (и, соответственно, на природный газ) растут практически непрерывно на протяжении последних десяти лет, за исключением небольшого и относительно короткого падения в 2000–2001 гг. (см. *График 1*). В мае 2008 г. цена фьючерсов на нефть марки Brent, правда, это один из самых дорогих сортов нефти, перешла отметку 130 долл. за баррель.

График 1. Цены на нефть в 1965–2008 гг. (в долл. США за баррель)²



Рост нефтяных цен стимулировал возрождение, казалось бы, давно забытых концепций, согласно которым главной движущей силой международных отношений сегодня и в будущем становится борьба государств за контроль над источниками углеводородов, за пасы которых, как считают сторонники этих взглядов, иссякают, и путями их транспортировки. Пугающие картины будущих *войн за ресурсы* появляются уже не только в популярных телепрограммах, но и в серьезных научных изданиях. В последнее время театром таких войн все чаще называют Арктику, поскольку, как предполагается, под дном Северного Ледовитого океана находятся, хотя, за отдельными исключениями, это ни кем и никак не подтверждено, неисчислимые запасы углеводородов.

В условиях надвигающегося глобального дефицита энергии, утверждают адепты этой теории, Россия, обладающая огромными ресурсами нефти и газа, стала своего рода *энергетической сверхдержавой*. Манипулируя поставками энергоресурсов, она способ на обеспечить свой суверенитет на мировой арене и диктовать импортерам свою волю. Но при этом Россия неизбежно становится объектом силового давления западных государств, обделенных нефтью и газом, и должна, естественно, совершенствоваться и наращивать военный потенциал. Эта концепция стала частью практически официальной российской идеологической доктрины, известной под несколько странным названием *суверенной демократии*.

«Встречается мнение, – писал, например, ведущий кремлевский идеолог В.Ю. Сурков, – будто *десуверенизация* нашего государства никому не интересна (или нереальна). Но повсеместная и повседневная нужда в сырье и безопасности столь огромна, а здешние запасы ядерного оружия, нефти, газа, леса, воды так обильны, что излишнее благодушие едва ли уместно. Особенно если учесть, насколько возможность осознания, защиты и продвижения наших национальных интересов снижена повальной коррупцией, диспропорциями экономики и простой медлительностью мысли»³.

Что касается медлительности мысли и повальной коррупции, то господин В.Ю. Сурков, бесспорно, прав. Понятно также, что концепция *войн за ресурсы* и муссирование угрозы *десуверенизации* России в результате действий неких сил, заинтересованных в российской нефти, газе, лесе и даже воде, и тому подобное отвечают интересам весьма влиятельных российских ведомств. МИД России, например, может объяснить перманентные провалы во внешней политике, прежде всего в отношениях с новыми независимыми государствами, интригами *внешних сил*, выдавливающих Россию из зон ее жизненных интересов, главным образом связанных с добычей и транспортировкой энергоресурсов. В

Генеральном штабе могут с увлечением разрабатывать планы будущих операций в арктическом бассейне, например, создания мобильных бригад боевых бронированных саней, запряженных белыми медведями, и выпрашивать ассигнования на строительство сверхтяжелых авианосных ледоколов.

Однако ключевой вопрос – насколько обоснована концепция *войн за ресурсы*? Вплоть до середины XX в. она более или менее адекватно объясняла некоторые процессы, происходившие в международных отношениях. Но уже в начале 1970-х гг., во время первого скачка цен на нефть, связанного с тогдашней арабо-израильской войной, выявилось несколько принципиально важных обстоятельств. Во-первых, использование арабскими странами *нефтяного оружия* не помешало Израилю в очередной раз разгромить арабские армии. Во-вторых, страны – производители нефти могут эффективно манипулировать ценами на нее, но, будучи жизненно заинтересованы в экспортных доходах, не могут прекратить поставки на сколько-нибудь длительное время. В-третьих, повышение цен на нефть в какой-то мере компенсируется для технологически развитых стран-импортеров повышением цен на производимую ими промышленную продукцию, а также тем, что экспортеры нефти обычно предпочитают хранить полученные средства в западных банках. В-четвертых, наконец, и это может быть самое интересное, повышение цен на нефть и, соответственно, на природный газ стимулирует в развитых странах-импортерах разработку и внедрение энергосберегающих технологий, оптимизацию энергобаланса и, в целом, технологическую модернизацию. В свою очередь, крупные доходы от экспорта нефти (как и практически любых иных природных ресурсов) блокируют социальную, политическую и технологическую модернизацию. Это – хорошо известный эффект *нефтяного проклятия*.

Неверно также широко распространенное мнение о том, что происходит абсолютное исчерпание нефтяных и газовых запасов. Так, коэффициент «мировые доказанные запасы/ежегодная добыча» остается для нефти практически постоянным на протяжении последних 15–17 лет, сохраняясь с небольшими колебаниями около отметки в 40 лет, что существенно выше, чем в 1980-е гг. прошлого столетия. Это значит, что если сохранится нынешний уровень добычи нефти и никаких новых месторождений не будет введено в разработку, то существующих запасов хватит примерно на 40 лет.

Вряд ли рост цен на нефть можно, как это часто делают, объяснить перспективами невиданного повышения спроса в Китае и Индии. По прогнозам американского Министерства энергетики, к 2020 г., а прогнозирование на более длительные сроки практически бессмысленно, совокупное потребление нефти в двух этих странах достигнет 16 млн баррелей в день. Это на 5–6 млн баррелей в день больше, чем в конце 2007 – начале 2008 г. Рост, разумеется, заметный, но не настолько большой, чтобы поставить под угрозу стабильность мирового рынка углеводородов. В этих условиях традиционная *политика канонеров* становится просто ненужной.

«То, что было принято век назад, становится невозможным в современном мире, – пи сал Е.Т. Гайдар. – Возврат нефтяных ресурсов Ирана под контроль *British Petroleum*, вынужденной поделиться частью собственности с американцами, – отзвуки уходящей в прошлое эпохи. После провала франко-английской операции в Суэце в 1956 г. становится ясно, что угроза применения силы к нефтедобывающим странам, желающим увеличить свою долю в доходах от добычи нефти или национализировать ее производство, минимальна»⁴.

Но военные меры, в том числе вооруженное вмешательство в зонах добычи углеводородов или в ключевых точках на путях их транспортировки, могут оказаться

неизбежны ми, если возникнет угроза разрушения добывающей или транспортной инфраструктуры в результате деятельности экстремистских сил или режимов. Например, обретение Ираном ядерного оружия резко увеличивает риск ядерного конфликта в Персидском заливе, последствия которого для мирового нефтяного рынка будут катастрофическими.

Все это имеет непосредственное отношение к России. Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) является важнейшим компонентом ее экономики. По данным Министерства промышленности и энергетики России, в 2006 г. доля добавленной стоимости ТЭК в ВВП составила почти 30%, а вклад ТЭК в экспортные доходы – 66%, в том числе нефтяного сектора – практически 50%, а газового – 15%. Доля ТЭК в налоговых поступлениях в бюджет в 2006 г. превысила 50%, в том числе нефтяного сектора – 40,7%, а газового – 7,4%⁵. В 2007 г. ситуация еще более усугубилась.

Подобная, ее можно называть катастрофической, зависимость экономики от экспорта углеводородов делает абсурдными любые размышления об энергетическом могуществе России. Сколько-нибудь масштабная попытка сократить экспорт нефти или газа для того, чтобы оказать политическое давление на группу стран-импортеров, прежде всего в Европе, обернется не просто сокращением экспортных доходов, но снижением импорта жизненно важных для России товаров, в том числе продовольствия. Это делает внешнеполитическое давление на Россию с тем, чтобы поставить под внешний контроль российские месторождения углеводородов и пути их транспортировки, просто излишним. Другое дело, что сама Россия может быть заинтересована в том, чтобы сохранить или установить свой контроль над запасами энергетического сырья и его транспортировкой из Центральной Азии и каспийского бассейна, поскольку перспективы падения добычи нефти и газа в России выглядят весьма вероятными.

СВЕРХВЫСОКИЕ ЦЕНЫ НА ЭНЕРГИЮ: ЧЕМ ВСЕ ЭТО КОНЧИТСЯ?

Вопрос о причинах продолжающегося уже около 10 лет роста цен на нефть остается открытым. Один из наиболее компетентных российских специалистов, В.С. Милов, объясняет рост цен на нефть спекулятивными инвестициями в нефтяные фьючерсы.

«Текущий нефтяной рынок – пузырь, сформировавшийся в результате притока спекулятивного капитала в нефтяные фьючерсы, – считает В.С. Милов. – Этот приток особенно усилился после кризиса на рынке высокорискованных ипотечных кредитов в США летом 2007 г., когда падение рынков акций привело к дополнительному интересу к альтернативным инвестициям и, прежде всего, товарным деривативам»⁶.

Возможно, В.С. Милов прав, хотя спекуляции на фьючерсных контрактах не объясняют, почему рост нефтяных цен продолжается уже почти десять лет. Однако гораздо важнее вопрос о последствиях этого роста, особенно если он будет продолжаться и далее.

Помимо всего прочего, будет усиливаться *голландская болезнь* российской экономики. Приток нефтедолларов позволяет обеспечивать лояльность элитных групп, смягчать социальные проблемы и финансировать государственные расходы независимо от эффективности бюрократической системы и всех тех секторов экономики, которые не связаны с добычей и экспортом нефти, газа и некоторых других природных ресурсов. Соответственно исчезают побудительные мотивы разработки и внедрения новых перспективных высоких технологий, модернизации экономики, социальных и

политических институтов. Не только власть, но и общество оказываются незаинтересованными в становлении демократических процедур. В результате технологическое отставание России от передовых стран будет увеличиваться и, возможно, уже в ближайшие годы приобретет необратимый характер. Это, по сути дела, признал В.В. Путин, поставивший в начале 2008 г. со всей остротой вопрос о жизненной необходимости создания в России инновационной экономики, другими словами, глубокой технологической модернизации.

Прямо противоположным является воздействие высоких нефтяных цен на состояние дел в технологически-передовых странах – импортерах нефти. Помимо снижения энергоемкости промышленного производства, транспорта и так далее, что в свою очередь требует модернизации широкого комплекса технологических процессов, обозначилась перспектива своего рода *энергетического перехода*, иными словами, крупных изменений в структуре энергетического баланса, снижения в ней доли нефти и газа. Целый ряд новых, альтернативных технологий, не использующих нефть и газ, либо уже готовы, либо находятся на завершающих стадиях разработки. Трудность в том, что стоимость их внедрения весьма велика. Однако сверхвысокие цены на нефть и газ, скорее рано, чем поздно, приведут к тому, что массовое использование альтернативных технологий станет экономически выгодным. В итоге уникальная роль нефти и газа в мировом энергетическом балансе существенно уменьшится. Сократится, соответственно, геополитическое значение стран – экспортеров углеводородов. И те из них, которые не сумеют быстро адаптироваться к такого рода переменам, окажутся на дальней периферии мировой политики. Неизбежны и другие глубокие структурные сдвиги в международной системе.

Другой фактор, стимулирующий *энергетический переход*, – концентрация почти 80% доказанных на нынешний момент запасов нефти в странах и регионах с высоким или очень высоким уровнем политического риска: на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и бывшем СССР (см. *Таблицу 1*)⁷.

Таблица 1. Распределение доказанных запасов нефти по географическим регионам

	1980		2006	
	млрд баррелей	%	млрд баррелей	%
Северная Америка	92,50	14	59,60	5
Центральная и Южная Америка	26,70	4	103,50	9
Европа (без бывшего СССР)	14,00	2	17,00	1
Бывший СССР	84,40	13	127,40	11
Ближний и Средний Восток	362,40	54	742,70	61
Африка	53,30	8	117,20	10
Азия	33,80	5	40,50	3
Итого	667,1	100	1207,90	100

Это обстоятельство предопределяет стратегическую необходимость глубокой перестройки структуры мирового энергетического баланса. В противном случае политические пертурбации, социальная нестабильность, вооруженные столкновения и тому подобное в нефте- или газодобывающих регионах могут породить и, скорее всего, будут порождать крайне неприятные проблемы для глобальной экономики.

МОСКОВСКОЕ ЭХО БУХАРЕТСКОГО САММИТА

Весной 2008 г. российская внешняя политика пережила очередной приступ конфронтационности по отношению к двум соседним государствам – Украине и Грузии. Не вызывает удивления, что угрожающая риторика, переходящая порой в практические действия, вызвала осложнения в отношениях России с ведущими западными странами и в целом заметно испортила имидж России на мировой арене.

Непосредственным поводом для этого, скорее всего, стало официально объявленное решение НАТО о приеме, хотя и без указания конкретных сроков, двух названных государств в члены Североатлантического альянса. В принятой на Бухарестском саммите НАТО в начале апреля 2008 г. Декларации говорится вполне определенно: «НАТО приветствует евро-атлантические стремления Украины и Грузии к членству в НАТО. Сегодня мы пришли к соглашению о том, что эти страны станут членами НАТО. ... Сегодня мы четко обозначаем, что мы поддерживаем кандидатуры этих стран на присоединение к Плану действий по присоединению к НАТО. Поэтому теперь начнется период нашего интенсивного взаимодействия с обеими странами на высоком политическом уровне, чтобы заняться оставшимися нерешенными вопросами, касающимися их кандидатур на участие в Плане действий»⁸.

Официально объявленное намерение принять Украину и Грузию в члены НАТО вызвало в Москве, как можно предположить, предельное раздражение и одновременно панику. Действительно, в последние годы российский бомонд претендует на то, чтобы ни один важный вопрос мировой политики не решался бы без учета позиций и интересов России, разумеется, так, как эти интересы понимают нынешние правящие группы. Собственно, в этом состоял главный смысл известного выступления В.В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. Но на практике оказалось, что вопрос, считающийся в Москве для России жизненно важным, решается вопреки многочисленным российским заявлениям и требованиям. Иными словами, наметилась перспектива крупного внешнеполитического поражения. При этом та часть российской политической и военной элиты, которая по-прежнему рассматривает НАТО как материальную эманацию мирового зла и источник постоянной военной угрозы для России, рассматривает вступление в НАТО Украины и Грузии как реальную угрозу военной безопасности страны. Им мерещатся американские, немецкие, украинские и грузинские танковые армады, разворачивающиеся вдоль российско-украинской и российско-грузинской границ, готовые к молниеносному броску на Москву или, скорее, в сторону нефтедобывающих районов Западной Сибири или газовых месторождений Ямала. Другая часть внешнеполитического и оборонного истеблишмента впала в панику, опасаясь ответственности за наметившееся стратегическое поражение. Третья – готовится использовать эти события в борьбе за власть, влияние и бюджетные ассигнования.

Раздражение и паника практически неизбежно порождают иррационально-жесткую, агрессивную реакцию. Помимо известных мер по расширению экономических связей с непризнанным абхазским режимом, на территорию Абхазии был введен дополнительный контингент российских *миротворцев*, имеющий на вооружении тяжелую артиллерию. А главнокомандующий российскими ВВС генерал-полковник А.Н. Зелин заявил, что создание военной базы на территории Абхазии, если будет принято соответствующее политическое решение, способствовало бы повышению качества охраны государственной границы России. «В случае принятия соответствующего политического решения это будет во благо выполнению задач противовоздушной обороны», – сказал российский военачальник⁹. Впрочем, если на такой военно-воздушной базе будут развернуты не только перехватчики, но и другие типы боевых самолетов, например, штурмовики и истребители-бомбардировщики, то решение о ее создании будет во благо не только для

выполнения задач противовоздушной обороны, но и для достижения не которых иных военно-политических целей.

Резко обострились отношения с Украиной. Появившись в Севастополе 11 мая 2008 г., Ю.М. Лужков объявил, что вопрос о статусе Севастополя «остался нерешенным», что Севастополь никогда не передавался Украине и должен быть возвращен России. В ответ Киев объявил московского мэра персоной нон-грата и запретил ему появляться на территории Украины. О том, что заявление Ю.М. Лужкова – не просто некий всплеск личных эмоций, свидетельствует, например, комментарий российского Министерства иностранных дел. Этот документ поистине впечатляет. Там говорится буквально следующее: «В Москве с недоумением восприняли решение украинских властей о запрете Ю.М. Лужкову на въезд на Украину. Мэру Москвы неоправданно инкриминируется некое посягательство на территориальную целостность Украины. Ю.М. Лужков никогда не до пускал недружественных высказываний в отношении Украины. ... Ю.М. Лужков высказал лишь мнение, которое, кстати, совпадает с точкой зрения большинства россиян... Указанное решение украинских властей расцениваем как недружественный шаг, идущий вразрез с обоюдными усилиями по выстраиванию атмосферы доверия и взаимопонимания в российско-украинских отношениях»¹⁰.

Иными словами, по недоуменному мнению российских дипломатов, заявление одного из крупнейших и влиятельных российских политиков о том, что некая часть украинской территории не принадлежит Украине и должна быть возвращена России, является не посягательством на территориальную целостность Украины, а чем-то иным, напри мер, восстановлением исторической справедливости. Еще интереснее упоминание о том, что мнение Лужкова совпадает с точкой зрения большинства россиян, а запрет ему на въезд в Украину идет вразрез с усилиями по выстраиванию атмосферы доверия в российско-украинских отношениях. Можно было бы задать вопросы: как прокомментировал бы МИД России, например, появление в Калининграде бургомистра крупного немецкого города, который заявил бы, что Восточная Пруссия не принадлежит России и должна быть возвращена Германии? Считают ли на Смоленской площади, что только что процитированный комментарий содействует выстраиванию атмосферы доверия в российско-украинских отношениях? Ответы, видимо, понятны.

ПРОБЛЕМА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Скандал, развернувшийся в связи с заявлением Ю.М. Лужкова, высветил гораздо более важный в практическом плане и весьма взрывоопасный военно-политический вопрос: когда российский Черноморский флот будет выведен из Севастополя? Согласно подписанным 28 мая 1997 г. соглашениям о разделе флота и базировании его российской части на территории Украины, Россия получила право базирования своих военных кораблей в Севастополе и некоторых других местах украинского черноморского побережья сроком на 20 лет. Эти соглашения автоматически продлеваются на 5 лет, если ни одна из сторон не позднее, чем за один год до истечения срока их действия, письменно не уведомит другую сторону об истечении срока их действия. Украинская сторона еще в 2007 г. предупредила о том, что соглашение продлено не будет и что надо начать обсуждение графика вывода российского флота из Севастополя.

Выступление Ю.М. Лужкова в Севастополе, судя по всему, подтолкнуло украинские власти к тому, чтобы принять закон о прекращении с 2017 г. действия российско-украинских соглашений о пребывании Черноморского флота России на территории Украины. МИД Украины в очередной раз обратился к Москве с предложением начать переговоры о графике и порядке вывода флота. Российский МИД в очередной раз со

свойственным ему в последние годы высокомерием отверг это предложение. Сначала в вызывающем тоне было сказано, что в настоящее время обсуждать вопрос о сроках базирования флота преждевременно, а надо сконцентрироваться на решении практических вопросов, связанных с обеспечением условий, необходимых для полноценного функционирования Черноморского флота Российской Федерации и его пребывания на территории Украины. Чуть позже позиция была несколько смягчена. Представитель МИДа России сообщил, что Москва готова рассмотреть вопрос о повышении арендной платы на военно-морскую базу в Севастополе, а также начать переговоры о дальнейшей судьбе соглашений о базировании флота в Крыму, но только через несколько лет, примерно за 3–4 года до истечения срока действия нынешних соглашений. При этом было сказано, что Россия заинтересована в продолжении базирования Черноморского флота в Севастополе и после 2017 г.

Позиция российской дипломатии, по меньшей мере, близорука. Можно, разумеется, тешить себя надеждой на то, что через несколько лет в Украине произойдут некие политические перемены, Киев откажется от нынешнего требования полностью вывести флот к маю 2017 г. и согласится продлить его пребывание в Крыму на неопределенно долгий срок. Однако такие надежды – типичное *wishful thinking* – реальной основы под собой не имеют, особенно учитывая тональность российской официальной и неофициальной риторики, а также вряд ли обратимый курс Киева на вступление в НАТО. А раз так, то здравый смысл требует не только начать переговоры о выводе флота, но и вести их в максимально корректном и доброжелательном тоне с тем, чтобы в полной мере защитить национальные интересы, подталкивая партнеров по переговорам к аналогичному тону.

Необходимо также заранее готовить места будущего базирования Черноморского флота, поскольку это – очень дорогостоящий и, что еще важнее, очень трудоемкий и длительный процесс. Если это сделано не будет, то решать исключительно сложные и острые политические и технические вопросы придется в спешке, что, естественно, завершится передислокацией флота в плохо подготовленные базы. Чем позже начнется обустройство будущей главной российской военно-морской базы в районе Новороссийска, тем больше вероятности, что будут построены только корабельные стоянки. В результате флот на долгое время потеряет боеспособность. Последняя в значительной степени определяется эффективностью сложного комплекса береговых сооружений, например, аэродромов, гидрографической инфраструктуры, командных пунктов, узлов связи, складов, казарм, жилья для офицеров и многого другого.

Возможен, конечно, и другой вариант. Москва может попытаться оттянуть обсуждение практических вопросов до 2017 г., а тогда заявить, что флот останется в Севастополе до тех пор, пока не будет согласован график вывода и решены все остальные проблемы и не будут построены все необходимые компоненты береговой инфраструктуры. Понятно, что такие переговоры и строительство могут тянуться не один год. Не менее ясно, что в этом случае Россия противопоставит себя не только Украине, но и гораздо более многочисленной группе государств и окажется вовлеченной в острый международный конфликт, причем без каких либо шансов на успех.

РАЗРЫВ МЕЖДУ ЖЕЛАЕМОМ И ВОЗМОЖНЫМ

Нынешний приступ воинственности в российской внешней политике по рожден, как представляется, углубляющимся разрывом между притязаниями политической элиты и реальными возможностями страны. Действительно, сегодня экономическая ситуация в России во многом отличается от положения дел на протяжении прошлого десятилетия.

Фантастический приток нефтедолларов позволил снять остро ту многих социальных проблем, устранить преследовавшую российский истеблишмент угрозу дефолта, повысить политическую стабильность. Одновременно широко распространилось иллюзорное представление о том, что Россия *встала с колен*, восстановила прежнее могущество и вошла в узкий круг держав, определяющих судьбы мира. В концептуальном плане эти настроения были оформлены в виде идеологических мифов *реального суверенитета* и *суверенной демократии*. Однако реальных рычагов воздействия на международную политику, не только в глобальном, но и в региональном масштабе у Москвы не появилось. Сколько-нибудь существенно сократить экспорт углеводородов невозможно, зависимость от импорта высокотехнологической продукции, в том числе для нужд добывающей промышленности, возрастает, а ядерное оружие годится для сдерживания потенциальной агрессии, но абсолютно бесполезно в качестве средства достижения каких-либо иных стратегических целей.

В итоге возникает искушение стукнуть кулаком по столу. Это происходило на протяжении последних полутора лет несколько раз, и последствия для российских национальных интересов каждый раз были контрпродуктивными. Россия фактически разрушила Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Это никак не затронуло жизненных интересов безопасности западных государств, но был ликвидирован единственный правовой инструмент, предотвращающий потенциальное наращивание вооруженных сил государств – членов НАТО вблизи российских границ. Попытка предотвратить независимость Косово провалилась, а националистические круги Сербии не выиграла парламентские выборы. Угрозы принятия *адекватных мер* в случае развертывания в Польше и Чехии компонентов американской ПРО, а также принятия в НАТО Грузии и Украины убеждают западные государства в необходимости и развертывания ПРО, и членства Украины и Грузии в Североатлантическом альянсе. Но вместо того чтобы реально оценить подлинные интересы России и возможности их достижения, Москва, судя по всему, пытается еще более обострить ситуацию, нагнетая военно-политическое давление на Грузию и напряженность вокруг Крыма и Севастополя.

Скорее всего, Россия способна аннексировать Абхазию, не вызвав военного столкновения с Грузией и ее возможными союзниками по НАТО. Грузинский военный потенциал несопоставим с российским, а для государств – членов НАТО Абхазия сколько-нибудь существенного стратегического интереса не представляет. Однако в политическом плане Россия окажется не только в практически полной международной изоляции, но даже в частичной блокаде, а прием Грузии в НАТО будет происходить форсированными темпами. Европа, разумеется, будет продолжать покупать российский газ и поставлять в обмен продовольствие для широких масс и высококачественные автомобили для элиты. Но о получении извне высоких технологий придется забыть. Могут возникнуть неприятности со счетами российских должностных лиц в западных банках и с каникулами в Куршевеле. Под вопросом окажется проведение олимпиады в Сочи, особенно имея в виду близость Абхазии к месту будущего праздника зимнего спорта.

Ситуация с Украиной будет складываться иначе. Навязать ей свое решение по Черноморскому флоту силовым путем Россия не сможет. Если этот флот вопреки позиции Киева останется в Крыму после мая 2017 г., он вполне может оказаться в жесткой блокаде. Возникает вопрос: какими силами Россия собирается такую гипотетическую блокаду прорывать? Украинские армия и флот, особенно если они в ближайшие годы перейдут на стандарты НАТО, вполне способны противостоять военному нажиму Москвы. А если к этому времени Украина вступит в НАТО, то силовое давление на нее может спровоцировать очень серьезный международный конфликт, сопоставимый по своим масштабам и последствиям с конфронтацией времен холодной войны. А тогда ситуация

была исключительно опасной. Постепенно публикуемые в последние годы документы показывают, что несколько раз лишь чудом удавалось избежать ядерной войны.

Дальнейшие силовые акции против Грузии и давление на Украину, помимо всего прочего, окончательно развалит СНГ и серьезно осложнят отношения России со всеми новыми независимыми государствами. В частности, миротворческая операция в Абхазии проходит по мандату высших органов СНГ. Но российские миротворцы действуют в Абхазии исключительно по приказам российского военного командования, без каких-либо санкций со стороны Совета глав государств Содружества. Последние вполне могут задать себе вопрос: зачем им в такой ситуации нужно и далее сохранять СНГ?

Еще важнее другое. Аннексия Абхазии заставит, например, казахстанских лидеров задуматься, не повторится ли похожая история с североказахстанскими районами с преимущественно славянским населением? В Баку немедленно вспомнят о том, что граница с Россией проходит по территориям, населенным лезгинами, которые и без того время от времени размышляют о воссоединении. Белорусский президент А.Г. Лукашенко, не говоря уже о его преемниках, окончательно убедится, что восстановление отношений с Западом намного целесообразнее создания некоего союзного государства с Россией. И если Минск будет готов свернуть военное сотрудничество с Россией, то Запад вполне может пойти на примирение с белорусским режимом.

Хорошие политики и дипломаты должны уметь, как и шахматисты, просчитывать последствия своих ходов хотя бы на два-три шага вперед. Соответственно, либо на Смоленской и Арбатской площадях просто не способны прогнозировать развитие событий, либо, что самое неприятное, последствия нынешних российских внешнеполитических действий по какой-то малопонятной причине устраивают и МИД, и Министерство обороны.

ТУРКМЕНСКИЙ МАРШ

В Центральной Азии появился исключительно динамичный игрок – новый туркменский президент Г.М. Бердымухаммедов, способный вызвать серьезные сдвиги в застывшем международном ландшафте этого региона. Это, правда, никак не связано с внутренними реформами. Как и ожидалось, появление в Туркмении нового лидера не привело к сколько-нибудь значимым переменам в политическом режиме страны. Он, как и прежде, остается жестко авторитарным, никаких сдвигов в сторону демократии не происходит и, судя по всему, не намечается. Более того, в конце мая 2008 г. парламент страны предложил увеличить президентский срок с пяти до семи лет. Предложение действительно разумное. Зачем лишний раз тратить деньги на проведение выборов, если их результат заранее известен? Это позволит нынешнему руководителю страны Г.М. Бердымухаммедову сохранить власть до 2014 г., что, как полагают в парламентских кругах Туркменистана, укрепит стабильность в обществе.

Но бросается в глаза другое. В Туркменистане продолжается массовая смена номенклатурных кадров. За полтора года, прошедших после смерти С.А. Ниязова, на некоторых министерских постах сменилось по два-три руководителя. С одной стороны, это можно объяснить вполне естественным стремлением нового президента подобрать в высший эшелон управления людей, глубоко ему лояльных и одновременно хотя бы относительно компетентных. После пятнадцатилетнего правления предыдущего лидера такая задача решается далеко не просто. Но, с другой стороны, кадровая чехарда является, возможно, косвенным признаком жесткой борьбы за власть между различными клановыми и субклановыми группировками и наличием в туркменской номенклатуре

серьезной оппозиции Г.М. Бердымухаммедову, который, несмотря на все усилия, не может пока подо брать сколько-нибудь многочисленную команду надежных сторонников.

Вместе с тем, очевидно стремление нового руководства избавиться от наиболее одиозных и нелепых элементов прошлого, несколько смягчить положение масс, повысить эффективность управления. Любопытны идеологические новации. В начале 2008 г. Государственное информационное агентство Туркменистана торжественно объявило, что президент Г.М. Бердымухаммедов «выдвинул общенациональную идею: всеобщее благополучие и процветание через мир, прогресс, достижения человеческой цивилизации, неотъемлемой частью которой является уходящая корнями в глубь веков древняя история и культура туркменского народа». Выступая на встрече с творческой интеллигенцией страны, Г.М. Бердымухаммедов заявил, что «туркменскому обществу нужна абсолют но новая идеология, опирающаяся на реалии и требования нового времени, основополагающим для которой должен стать девиз “государство для человека”»¹¹. Иными слова ми, был провозглашен отказ от идеологической доктрины недавнего прошлого, своего рода туркменского варианта теории *суверенной демократии*, основанной на учении Туркменбаши, изложенном в его основополагающей книге «Рухнама».

Можно предположить, что новая идеология призвана обеспечить массовую поддержку внешнеполитической линии Г.М. Бердымухаммедова. А именно во внешней политике Туркменистана происходят поистине драматические перемены. Прежде всего, новый властитель Туркмении весьма решительно начал исправлять крайне натянутые отношения с Узбекистаном и Азербайджаном. Так, президенту Узбекистана И.А. Каримову было присвоено звание Почетный старейшина народа. Этого титула глава Узбекистана был удостоен «за заслуги в развитии дружественных отношений между Туркменистаном и Республикой Узбеки стан, укрепление единства и сплоченности двух братских народов, традиционно связанных узами дружбы, добрососедства и духовного родства», а также «за особый вклад в повышение уровня политических, экономических и культурных отношений» между двумя странами.

Еще более впечатляющим является развитие отношений с Азербайджаном. Восстановлены дипломатические отношения между двумя странами. В мае 2008 г. Г.М. Бердымухаммедов посетил с официальным визитом Баку, где был подписан ряд соглашений о развитии двусторонних отношений в различных сферах. Считается, что этот визит открыл путь к разрешению нескольких острых проблем, блокировавших до сих пор практическое сотрудничество двух стран, в том числе урегулированию морских границ на Каспии и прекращению споров из-за принадлежности нескольких морских нефтегазовых месторождений.

Налаживание отношений с Азербайджаном и Узбекистаном требуется, в частности, для реализации стратегического проекта – диверсификации маршрутов экспорта туркменского газа с тем, чтобы ликвидировать монополию российского *Газпрома* на транспортировку газа из Туркмении в Европу. Один из новых маршрутов, как предполагается, может пройти по дну Каспийского моря и соединить туркменские газовые месторождения с азербайджанскими терминалами, а в дальнейшем с лоббируемым ЕС газопроводом *НАБУККО*. В свою очередь, строительство транскаспийского газопровода может подтолкнуть сооружение аналогичного нефтепровода, идущего из Казахстана в Баку.

Линия на диверсификацию маршрутов газового экспорта позволила Ашхабаду существенно улучшить отношения с Западом. В мае 2008 г. президент Туркменистана и комиссар Европейского союза по энергетическим вопросам Андрис Пиебалгс подписали

соглашение о сотрудничестве в нефтегазовой отрасли между ЕС и Туркменией. В частности, предполагаются расширение сотрудничества в этой сфере и европейские инвестиции в развитие туркменской нефтегазовой промышленности. Похоже, что Г.М. Бердымухаммедов может выполнить свое обещание начать в 2009 г. поставлять в Европу ежегодно 10 млрд м³ газа. Понятно, что в таких условиях европейские лидеры не склонны обращать излишнее внимание на характер политического режима в Туркменистане.

Таким образом, весной 2008 г. обозначились три основных фактора усиливающейся неопределенности мировой политики.

Первый – растущая конфронтационность российского стратегического курса. Она может быть вызвана разными причинами, но, если этот курс не будет изменен, результат будет один – новый острый конфликт с Западом, в котором у России не будет союзников и даже друзей. Оценить сегодня последствия такого конфликта, как внутренние, так и международные, практически невозможно, ясно только, что шансов на выигрыш у Москвы нет никаких.

Второй – активная, можно даже сказать, наступательная внешняя политика Туркмении. Эта страна не может претендовать на лидерство в Центральной Азии, но она может разрушить транспортную зависимость всего этого региона от России и, следовательно, существенно изменить его роль в международной системе Евразии.

Третий – президентская кампания в США. Кто бы ни пришел в Белый дом – Джон Маккейн или Барак Обама, перемены во внешней политике неизбежны. Но какими конкретно они будут, скорее всего, не знают ни тот, ни другой.

Юрий Федоров